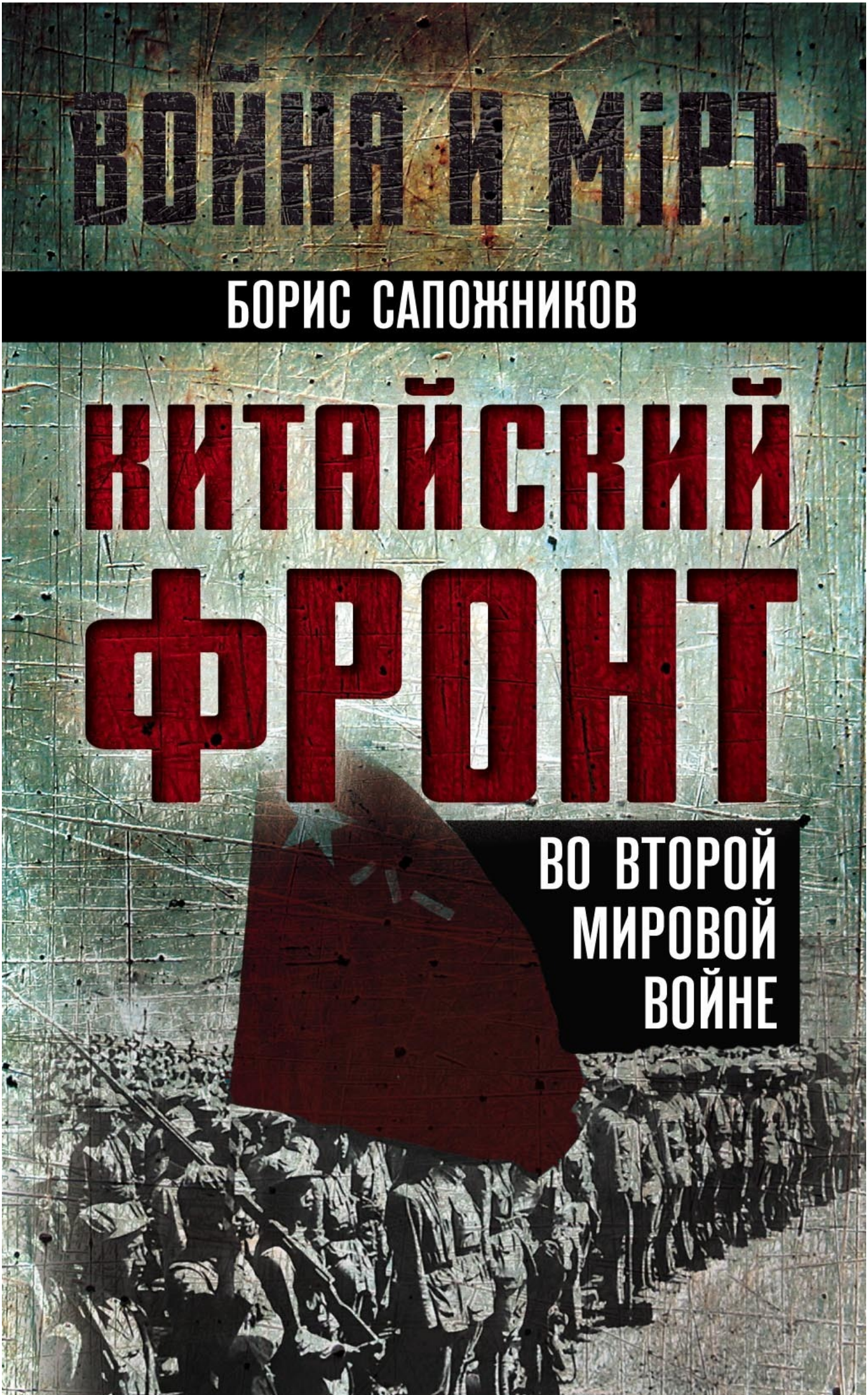
ВОЙНА И МИР

БОРИС САПОЖНИКОВ

КИТАЙСКИЙ ФРОНТ

ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Война и мир (Алгоритм)

Борис Сапожников

Китайский фронт во Второй мировой войне

«Алисторус»
2026

УДК 94(100)«1939/45»
ББК 63.3(0)62

Сапожников Б. Г.

Китайский фронт во Второй мировой войне / Б. Г. Сапожников — «Алисторус», 2026 — (Война и мир (Алгоритм))

ISBN 978-5-00269-132-6

Вы узнаете о хитроумных планах Токио, стремившегося превратить Китай в свою военную базу для наступления на СССР, и поймете, почему японцам так и не удалось достичь своей цели. Особый интерес представляет подробное освещение решающего вклада Красной Армии СССР в разгром самой мощной сухопутной силы Японии — Квантунской армии, освободившей страну от угрозы японского господства. Для всех любителей военной истории эта книга станет увлекательным путешествием в прошлое, открывающим новые грани известного события мирового масштаба. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(100)«1939/45»
ББК 63.3(0)62

ISBN 978-5-00269-132-6

© Сапожников Б. Г., 2026
© Алисторус, 2026

Содержание

От автора 6
Глава I. Военно-политическая обстановка в Восточной Азии и борьба империалистических держав за использование китайского фронта в своих стратегических планах (1940–1941) 8
Нападение фашистской Германии на Советский Союз и политика Японии 8
Начало германо-советской войны и новые расчеты Японии на китайском фронте 12
Французский Индокитай, Таиланд и Голландская Ост-Индия в японских планах решения «китайского инцидента» 21
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Борис Сапожников
Китайский фронт во Второй мировой войне

© Сапожников Б. Г., 2025
© ООО «Издательство Родина», 2025

От автора

Событиям второй мировой войны на Тихом океане, в Восточной и Юго-Восточной Азии посвящено много исследований как отечественных, так и зарубежных авторов. Большой вклад в изучение этого периода сделали советские ученые – историки и экономисты, в том числе В. Я. Аварин, Г. В. Астафьев, Б. И. Бухаров, Р. В. Вяткин, Г. Н. Войтинский, В. Б. Воронцов, В. И. Глунин, Д. И. Гольдберг, С. А. Далин, Л. П. Делюсин, А. М. Дубинский, М. С. Капица, Е. Ф. Ковалев, К. В. Кукушкин, В. Н. Никифоров, Г. Н. Севостьянов, М. О. Сладковский, А. Г. Яковлев и многие другие. В своих исследованиях они осветили дипломатическую историю войны на Тихом океане, основные проблемы внешней политики США и Англии в 1941–1945 гг., различные аспекты внутриполитического и международного положения Китая в годы второй мировой войны.

В предлагаемой работе сделана попытка показать на фоне военных событий 1941–1945 гг. на Дальнем Востоке некоторые наиболее характерные черты японской колониальной политики в Китае в связи с общими стратегическими задачами Японии в войне на Тихом океане, политику США в отношении китайского фронта, а также значение борьбы Советского Союза против фашистской Германии для хода событий на фронте в Китае и на Тихом океане.

Территория Китая, его богатейшие сырьевые и людские ресурсы привлекали внимание японских империалистов в плане создания «великой азиатской империи», мощного военно-экономического плацдарма, предназначенного, с одной стороны, для захвата советского Дальнего Востока и Сибири, с другой стороны, для вытеснения США, Англии и других западных держав из Восточной и Юго-Восточной Азии под прикрытием лозунга о создании «азиатской сферы взаимного процветания», «единого азиатского экономического и политического союза», якобы направленного против «западного колониализма».

Антисоветская сущность империалистической политики Японии, ее направленность против национально-освободительного движения в Азии, особенно в Китае, встречала понимание и пользовалась всемерной поддержкой со стороны реакционных кругов в США и Англии. Последние всё делали для того, чтобы направить острие японской империалистической агрессии против СССР и китайского национально-освободительного движения. Однако межимпериалистические противоречия в Азии, особенно обострившиеся накануне и после начала второй мировой войны, союз Японии с фашистскими Германией и Италией, открыто заявившими претензию на мировое господство, заставили правящие круги США и Англии принять некоторые меры по сдерживанию японской агрессии, в частности в Китае. Но эти меры запоздали. Они уже не могли предотвратить японское вторжение в Юго-Восточную Азию, а затем удар японского флота и авиации по Пёрл-Харбору.

В дальнейшем военно-политическая обстановка и ход боевых действий на Тихом океане, в Юго-Восточной Азии и особенно в Китае в значительной степени определялись развитием событий на советско-германском фронте. Победы вооруженных сил Советского Союза, выход из войны сателлитов фашистской Германии создавали благоприятную обстановку союзным армиям и флоту на Тихом океане и в Юго-Восточной Азии для перехода в наступление против японского агрессора, а затем, после вступления Советского Союза 8 августа 1945 г., в соответствии с решением Ялтинской конференции глав трех союзных держав, в войну против Японии, и для решающего удара по японским вооруженным силам во взаимодействии с Советской Армией и Военно-Морским Флотом.

Автор ставил своей целью показать, как менялась роль китайского фронта в условиях постепенно ухудшавшейся общей военной обстановки для фашистских агрессоров и тех изменений, которые происходили в оккупационной политике Японии вследствие экономических, политических и военных трудностей, вызванных затянувшейся войной на Тихом океане. Япон-

ское правительство и командование прилагало все больше усилий для того, чтобы склонить китайское правительство к заключению сепаратного мира. Большое внимание автор уделил отрицательному влиянию на военную обстановку в Китае пассивной оборонительной стратегии военного руководства как гоминьдановского фронта, так и партизанских районов и баз в тылу японских войск, отсутствия взаимопонимания и взаимодействия между формально входившими в единый национальный антияпонский фронт гоминьдановскими армиями и частями 8-й и Новой 4-й армий, руководимых коммунистами.

Автор стремился показать также и своекорыстную, тщательно замаскированную политику руководящих кругов США, особенно части американского военного командования, направленную на поддержку антикоммунистических действий Чан Кайши и его окружения, переросшую к концу войны в открытое участие американской военщины в подготовке гражданской войны против национально-освободительных сил китайского народа.

В своем исследовании автор использовал значительное число источников и материалов, хотя и опубликованных в 1941–1945 гг. в Японии и Китае, но не введенных еще в научный оборот, материалы архива Министерства обороны СССР, Центрального государственного архива Октябрьской революции, а также записи личных наблюдений ряда событий.

Были использованы также материалы публикаций и исследований японских, американских и английских буржуазных историков[1]. В этих исследованиях, как правило весьма далеких от объективности, тем не менее содержится очень богатый фактический материал, свидетельствующий о крайней сложности и противоречивости политики империалистических держав в отношении Китая, отрицательно сказавшейся на положении и борьбе китайского народа против японских захватчиков.

Определенное место автор уделил описанию наиболее важных военных операций японской армии в 1942–1944 гг., особенно летней кампании 1944 г., целью которой было захватить и удержать сквозную наземную коммуникацию, проходящую через всю территорию Китая – от южных берегов Амура до границ Бирмы.

Конечно, значение китайского фронта во второй мировой войне не исчерпывается теми аспектами, которые мы рассматриваем в этой книге. Мы старались показать лишь некоторые, наиболее характерные, на наш взгляд, стороны обстановки и развития военнополитических событий в Китае в эти годы. Тем не менее мы надеемся, что читатель найдет в ней новые факты и данные, которые позволят ему хотя бы в общей форме представить себе ту роль, которую сыграл китайский фронт в 1941–1945 гг.

[1] Такусиро Хаттори, Дайтоа сенсо дзэнси (Полная история войны за великую Восточную Азию), Токио, 1965; «Дайтоа сэнси» («История войны за великую Восточную Азию»), т. 1—10, Токио, 1969; Косаку Тамура, Дайтоа гайко си кэнкю (Изучение истории дипломатии великой Восточной Азии), Токио, 1942; Косаку Тамура, Тайхэйё сэнсо гайко си (Дипломатическая история войны на Тихом океане), Токио, 1966; Сюицу Мацумура, Сэнсэн кара сюсэн мадэ (От начала войны до ее завершения), Токио, 1964; Согоро Танака, Нихон гунтай си (История японской армии), Токио, 1954; Тосихико Симада, Канто гун (Квантунская армия), Токио, 1966; «Japan's Struggle to end the War», Washington, 1946; Kato Masao, The Lost War, New York, 1946; «Japan's Decision for war», Records of the 1941 Policy Conferences, Stanford, California, 1967; R. Y. C. Butow, Japan's Decision to surrender, Stanford, California, 1954; F. C. Jones, Japan's New Order in East Asia. Its Rise and Fall, 1937–1945, London – New York – Toronto, 1954 и др.

Глава I. Военно-политическая обстановка в Восточной Азии и борьба империалистических держав за использование китайского фронта в своих стратегических планах (1940–1941)

Нападение фашистской Германии на Советский Союз и политика Японии

После заключения Тройственного пакта, особенно с конца 1940 г., активизировались японо-германские переговоры, главной целью которых была выработка единой стратегии в будущей войне против Советского Союза. Между фашистскими союзниками существовали значительные противоречия и главное из них – нежелание одного из партнеров допустить чрезмерное усиление позиций другого.

В обстановке побед германского вермахта в Европе в Японии росло опасение такого усиления Германии, которое привело бы к ее гегемонии в послевоенном мире. Во время берлинских переговоров между представителями Германии, Италии и Японии в апреле 1941 г.[2] в центре внимания были планы коалиционной стратегии, определение формы и степени участия Японии в этих планах с учетом опасности вступления США в европейскую войну на стороне Великобритании, а в случае войны против Советского Союза и возможности объединения усилий СССР, США и Великобритании в войне против держав оси.

Руководители Германии хотели возложить на Японию, учитывая ее стратегическое положение в Азии, следующие задачи: во-первых, отвлечь США и их вооруженные силы к Азии и Тихому океану, сковать их и тем самым не допустить вступления США в войну в Европе; во-вторых, постоянно угрожать Советскому Союзу на Дальнем Востоке и после нападения Германии на СССР, если потребуется, нанести удар ему на Дальнем Востоке, и таким образом добиться «молниеносной победы» над главным противником фашистского «нового порядка». Из этого предложения германской стороны вытекало, что Японии отводилась хотя и важная, но все-таки подчиненная роль в германской глобальной стратегии завоевания мирового господства. Подобная роль совершенно не устраивала Японию.

Представлявший Японию на берлинских переговорах министр иностранных дел Мацуока заявил, что проблема «южного» направления (т. е. война Японии против США и Англии на Тихом океане) будет решаться самой Японией. В ответ на заявление Риббентропа и представителя Италии, что «значение Тройственного пакта на данном этапе состоит в том, чтобы предупредить США от вступления в войну»[3], Мацуока указал, что в предлагаемом плане совсем не учитывается то обстоятельство, что Япония занята войной в Китае. Любое решение Японии, подчеркнул он, связанное как с «северным» (т. е. войной против СССР), так и с «южным» направлением, не может не учитывать состояния войны Японии с Китаем.

Что же касается войны против Советского Союза, то японский представитель отметил, что Япония еще не готова к войне против Советского Союза, что еще не изучены причины неудачи в военной операции на Халхин-Голе летом 1939 г. Он предлагал отодвинуть сроки совместных военных действий против СССР и поддерживать добрососедские отношения с ним

---

[2] Подробнее о содержании этих переговоров см.: Д. И. Гольдберг, Внешняя политика Японии в 1941–1945 гг., М., 1962, с. 9—22.

[3] «Japan's Decision for War», Records of the 1941 Policy Conferences, Stanford, California, 1967, с. 21.

по крайней мере до тех пор, пока не будут готовы исходные плацдармы, подтянуты резервы и сосредоточены силы и средства, способные обеспечить достижение победы в самые короткие сроки.

Мацуока доказывал руководителям фашистской Германии, что «широкие военные мероприятия Германии против Англии, без сомнения, вызовут в США пересмотр политики изоляционизма и невмешательства в европейские дела», и они «перейдут к активному участию в войне в Европе, будут оказывать военную и экономическую помощь своему преданному агенту в Азии – Чан Кайши. Такая помощь, в свою очередь, вызовет активизацию гоминьдановской армии на китайском фронте и приведет к сковыванию значительных сил японской армии на этом фронте. Такая обстановка не позволит организовать одновременное или почти одновременное выступление Германии и Японии против Советского Союза»[4]. В случае участия США в европейской войне, сообщил он, операции японского флота и наземных сил в районе Южно-Китайского моря, а также против баз США в Тихом океане могут представить для союзной стратегии гораздо большую выгоду, чем немедленное вступление японской армии в единоборство с Красной Армией. Активизация вооруженных сил Японии в Южно-Китайском море и на Тихом океане, по мнению Мацуоки, могла бы решить выдвинутые союзниками две важные стратегические задачи. Первая из них – сковывание основных сил США и отвлечение их от европейского фронта. Вторая – сковывание значительных сил Советского Союза на Дальнем Востоке демонстративными действиями Квантунской армии в Маньчжурии, что, несомненно, облегчило бы наступление вермахта на территории Советского Союза[5].

Таким образом, каждый из союзников выдвигал свой вариант осуществления планов завоевания мирового господства, преследуя при этом прежде всего свои собственные цели.

Накануне отъезда Мацуоки из Берлина в Москву, в начале апреля 1941 г., Риббентроп заявил ему, что немецкое командование «с пониманием относится к позиции Японии. Однако все сходятся на том, что японское правительство должно быть готово по первому же требованию Германии выполнить свои военные задачи на Дальнем Востоке»[6]. Вместе с тем Риббентроп обещал помочь японскому правительству в ближайшее время решить проблему Китая «в пользу союзников». Речь шла о том, чтобы японское правительство в ходе переговоров с Чан Кайши и его ближайшим окружением добивалось не только мира с Китаем, но и его участия в войне против СССР или по крайней мере нейтральной позиции Чан Кайши в этой войне. При этом Риббентроп заверил Мацуоку в том, что его правительство готово «дать директивы дипломатическим представителям Германии на Дальнем Востоке о содействии мирным устремлениям Японии в отношении правительства Китая в Чунцине»[7].

Выезжая из Берлина в Москву, Мацуока, по существу, заручился согласием правительства фашистской Германии продолжать игру, успокоить Советский Союз в отношении намерений Японии на Дальнем Востоке и Германии на западе, в его распоряжении уже были в это время убедительные доказательства о приготовлениях фашистской Германии к войне против Советского Союза (правда, детальные планы предстоящих наступательных операций вермахта на территории Советского Союза ему не были известны). Как отмечает военный обозреватель Кэнъити Накая, «Мацуока должен был в определенной степени укрепить мнение советских руководителей, что главный удар европейских союзников „оси“ наносится против Англии, а Советский Союз по крайней мере может рассчитывать на невмешательство в его дела со стороны Германии, Италии и Японии»[8].

---

[4] Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР), ф. 7867, оп. 1, д. 89, л. 49411.

[5] Там же, л. 10038.

[6] Фумиаки Такаяма, Тайхэйе сэнсоси кэнкю (Изучение истории войны на Тихом океане), Токио, 1946, с. 82.

[7] Кэнъити Накая, Докусо сэнсо маэ но ниппон гайкорон (Взгляды на внешнюю политику Японии накануне германо-советской войны), Токио, 1948, с. 117.

[8] Там же, с. 121.

В Москве Мацуока во время переговоров с советскими руководителями делал попытки выяснить «отношение СССР к намерению Японии решить китайскую проблему путем мирных переговоров с Чунцином. Он также попытался выяснить отношение правительства СССР к посредничеству в мирных переговорах между Японией и Китаем»[9]. Однако позиция Советского правительства «была абсолютно дружественной в отношении Китая и не давала основания рассчитывать на посредничество СССР в японо-китайском споре»[10]. Советский Союз твердо верил, что борьба китайского народа за свободу и независимость безусловно увенчается успехом. Находясь в Москве, Мацуока убедился в поддержке советским народом борющегося против японской агрессии китайского народа. Именно поэтому после возвращения в Токио он в беседе с премьер-министром Коноэ утверждал, что «проблема Китая может быть решена только в результате непосредственных контактов между Токио и Чунцином»[11]. При этом он мало верил в то, что посредничество нанкинского «правительства» Ван Цзинвэя может принести положительные результаты для Японии. Мацуока считал, что Чан Кайши обязательно пойдет на мир с Японией, если ему будет обещана военная помощь для борьбы против Коммунистической партии Китая и ее вооруженных сил. Несмотря на то что такая помощь Чан Кайши может обострить японосоветские отношения, на это следует пойти, уверял Мацуока, потому что если Япония получит в лице Чан Кайши союзника в войне против СССР, то такая война могла бы начаться почти одновременно с нападением Германии на Советский Союз. Вообще Мацуока стремился «доказать японскому правительству, что обстановка в Европе складывается благоприятно для решения затянувшегося спора между Японией и Советским Союзом»[12]. Мацуока был уверен в том, что именно сейчас, когда в Германии проводятся серьезные приготовления для сокрушения Советского Союза, участие Японии в войне в качестве союзника Германии абсолютно необходимо, только этим путем можно решить «северную проблему» в пользу империи[13].

Этот вариант «северной стратегии», по мнению Мацуоки, был бы обеспечен сырьевыми и людскими ресурсами Китая и вызвал бы сочувственное отношение со стороны правительств США и Англии, которые давно стремятся толкнуть Германию и Японию на войну против СССР. По мнению Мацуоки, «то, что Япония может получить в Китае, и те поставки военных материалов, которые будут продолжать поступать из США для обеспечения войны против Советского Союза, намного перекрывают тот объем ресурсов, который может поступить в Японию как результат победы на Тихом океане»[14]. Такая откровенная позиция немедленной войны против Советского Союза, занятая Мацуокой, объяснялась следующими причинами. В начале мая 1941 г. Мацуока получил из Берлина информацию об интенсивном передвижении войск фашистской Германии к границам Советского Союза. 28 мая он сделал личный запрос Риббентропу о ближайших намерениях Германии в отношении Советского Союза. Риббентроп ответил следующим образом: «Германо-советская война стала неизбежной. Если война начнется, операции закончатся через 2–3 месяца»[15]. Уверенность фашистского руководства в молниеносной победе над Советским Союзом была настолько велика, что Риббентроп еще раз подтвердил, что «привлечения сил Японии не потребуется, своим движением на юг они будут взаимодействовать в войне против Советского Союза. Ближайшая и главная цель войны

[9] Хорио Такасима, Ниттю канкэй но маэмити (Будущее японо-китайских отношений), Осака, 1942, с. 17–18.

[10] Там же, с. 22.

[11] «Аямарэру сина но тайнити сэйсаку то рэнгококу тайси ка- цудо» («Ошибочная политика Китая в отношении Японии и позиция держав в отношении Китая»), Токио, 1941, с. 43.

[12] Кэнъити Нака я, Докусо сэнсо маэ но ниппон гайкорон, с. 121.

[13] Там же, с. 124.

[14] «Аямарэру сина но тайнити сэйсаку то рэнгококу тайси кацудо», с. 47.

[15] Тимура Косаку, Тайхэйё сэнсо гайко си (Дипломатическая история войны на Тихом океане), Токио, 1966, с. 393.

– сокрушение Англии. Когда же мы свалим Советский Союз, США и Англия и руками не пошевелят»[16].

В этих условиях Мацуока боялся, что если Германия одна нанесет поражение СССР, то Япония не сможет воспользоваться плодами победы над ним.

[16] Там же.

Начало германо-советской войны и новые расчеты Японии на китайском фронте

22 июня 1941 г. гитлеровская Германия, нарушив Пакт о ненападении, обрушила всю свою военную мощь на Советский Союз.

Штаб и войска Квантунской армии в Маньчжурии были приведены в готовность, войска были подтянуты к границам согласно заранее утвержденному боевому расписанию.

В первые месяцы, характеризовавшиеся значительными успехами вермахта на советско-германском фронте, в генеральных штабах военного и военно-морского министерств Японии тщательно изучали обстановку в Европе, вносили коррективы в свои планы войны против Советского Союза. Среди гражданских и военных руководителей Японии имелись разногласия о возможном развитии военных событий на просторах России. Существовали определенные сомнения в том, что молниеносная война Гитлера будет иметь успех. Особенно остро проявились эти разногласия в военных кругах. Руководство сухопутными вооруженными силами склонялось к радикальному решению в первую очередь «северной проблемы». Оно ставило под сомнение возможность обеспечения военно-морских операций против США и Англии нефтью и нефтепродуктами, а также целесообразность крайнего обострения отношений с США и Англией, которые неизбежно вступятся за свои позиции в Юго- Восточной Азии.

Круги военно-морского министерства, наоборот, считали, что важнейшим этапом на пути решения «северной проблемы» является завоевание «стран Южных морей». Они исходили из того, что война в России безусловно затянется и, пока гитлеровские механизированные и танковые дивизии дойдут до Урала, Япония сможет добиться мира в Китае и захватить территорию Юго-Восточной Азии. А тогда находящаяся в Маньчжурии хорошо оснащенная 700-тысячная Квантунская армия вполне сможет добить ослабевшую Россию. Обстановка в Европе, утверждали они, когда гитлеровская Германия добивается крупных военных успехов, чрезвычайно выгодна для Японии. Молниеносные военные операции на море в этой обстановке могут решить все проблемы создания «нового порядка» в Азии. Решение «китайского инцидента», уверяли они, лежит именно в военных успехах Японии, которые будут достигнуты в операциях против англо-американцев в Азии и Тихом океане. Советский Союз, поставленный в крайне тяжелое положение в связи с вторжением гитлеровского вермахта, не в состоянии будет помешать гоминьдановскому правительству в Чунцине пойти на мир с Японией. А мирное урегулирование в Китае, которое неизбежно наступит после первых же успехов военно-морского флота в операциях против США и Англии, позволит Японии немедленно приступить к подготовке исходного антисоветского военного плацдарма не только в Маньчжурии, но и в Северном Китае и Внутренней Монголии. При этом экономика и людские ресурсы всего Китая «станут служить империи в деле создания нового порядка в Азии»[17]. Японская печать и радио в это время развернули шовинистическую пропаганду под лозунгом «прорыва блокады», созданной США, Англией и Голландией вокруг империи.

Вместе с тем в генеральном штабе и тыловом управлении военно-морского министерства велись тщательные подсчеты запасов стратегических ресурсов, в первую очередь нефти и нефтепродуктов, а также разрабатывались предложения о возможном производстве заменителей стратегического сырья на базе промышленности страны. По некоторым данным, в 1939 г. запасы нефти в Японии составили 51 млн баррелей. К декабрю 1941 г., т. е. к началу войны на Тихом океане, эти запасы сократились до 43 млн баррелей[18]. Военно-морской флот к этому

---

[17] «Киндай кокубо ёри митару сорэнпо» («Советский Союз с точки зрения современного уровня государственной обороны»), Токио, 1941, с. 14.

[18] J. B. Chohen, Japan's Economy in War and Reconstruction, Minneapolis, 1949, с.,134–135.

времени располагал запасами в 21,7 млн баррелей сырой нефти[19]. Сокращение запасов нефти на 8 млн баррелей за 2 года, в то время как гражданское потребление нефти в стране было, по существу, прекращено, а в Китае велись боевые действия при минимальном участии в них моторов (самолетов, танков, бронемашин и автотранспорта), вызывало беспокойство. Японский военный обозреватель Такэо Фудзита писал: «Современная война требует значительных ресурсов стратегического сырья. Во время советско-финской войны в боях за Выборг только за один день было выпущено 300 тыс. снарядов из артиллерийских орудий, в самые напряженные дни боев на советско-германском фронте за один день немцы расходовали 100 тыс. т нефти. В войне против США и Англии Японии придется ввести в действие самые совершенные виды современной военной техники, и это, в свою очередь, потребует значительных расходов нефти и металла»[20].

В августе 1941 г. президент комитета экономического планирования при кабинете министров Японии генерал Судзуки в специальном докладе премьер-министру Коноэ подчеркнул необходимость тщательного изучения проблемы производства синтетической нефти. Он утверждал, что «правительство должно пойти на максимально возможные капиталовложения в отрасль синтетического производства нефти, обеспечить научную разработку технологии производства синтетической нефти, ибо только такой путь может ослабить зависимость страны от внешних закупок и значительных транспортных расходов»[21]. Судзуки потребовал выделения 2 млрд иен для научных исследований, экспериментальных работ и создания современного производства синтетической нефти. Он утверждал, что при таких расходах Япония сможет к концу 1943 г. произвести 0,5 млн, а к концу 1944 г. – 4 млн т синтетической нефти[22]. Основными базами для производства синтетической нефти и других видов горючего должны были стать Маньчжурия (Фу- шуньская угольная база) и северная часть Шаньдуна с ее удобными портами. Однако правительство Коноэ сомневалось в том, «насколько политическая обстановка в Китае позволит реализовать план использования местных ресурсов. Коноэ считал, что, прежде чем создавать предприятия синтетической нефти в Северном Китае, необходимо получить от военного командования гарантии спокойствия и безопасности»[23]. В октябре 1941 г., после прихода к власти генерала Тодзио, министр финансов Кайя запросил премьера «о его отношении к проекту Судзуки, поскольку необходимо предусмотреть в бюджете значительные суммы на исследования и организацию производства синтетической нефти»[24]. Тодзио предложил Судзуки и начальнику подготовительного комитета мобилизационного управления военного министерства Кикусабуро Окада доложить и «обосновать целесообразность требуемых расходов на производство синтетической нефти».

Доклад, представленный премьеру, свидетельствовал о нерентабельности и нереальности планов «самообеспечения нефтью за счет создания новой отрасли синтетического производства». В докладе Окада отмечалось, что японское правительство в 1937 г. уже приняло закон о синтетическом производстве нефти. На этом основании был составлен семилетний план, т. е. до 1944 г., по которому к 1941 г. должно было быть произведено этим способом 7,8 млн баррелей нефти. В действительности на октябрь 1941 г. было произведено всего 1,2 млн баррелей[25]. Выражая мнение кругов военного министерства, Окада предлагал: «Расширить производственную базу синтетических горюче-смазочных материалов на Фушуньской базе в Маньчжурии. Сделать соответствующие затраты на геологоразведочные работы в Северном

[19] Такэо Фудзита, Нампо: кэйдзай но кэнсецу (Южное направление: экономическое строительство), Токио, 1942, с. 1.

[20] Там же, с. 135.

[21] F. C. Jones, Japan's New Order in East Asia. 1937–1945, L. – N.-Y. – Toronto, 1954, с. 295–296.

[22] ЦГАОР, ф. 7867, оп. 1, д. 79, л. 35216.

[23] «Дайтоа сэнсо но аюми» («Обзор войны в великой восточной Азии»), Токио, 1942, с. 41.

[24] F. C. Jones, Japan's New Order in East Asia. 1937–1945, с. 296.

[25] ЦГАОР, ф. 7867, оп. 1, д. 79, л. 35216.

Китае и Внутренней Монголии, где, по данным японских специалистов, имеются значительные запасы природной нефти и газа. Что касается военной обстановки в Северном Китае, то командующий экспедиционной армией Японии в Северном Китае представил в Токио доклад, в котором он брался укрепить „основы спокойствия“ в этом районе, если правительство выделит в его распоряжение 4–5 дивизий, 500 танков и столько же самолетов»[26]. Кроме того, в докладе говорилось, что штаб экспедиционных войск имеет в виду организовать операцию по «очистке территории Шэньси, где уже в настоящее время обнаружены значительные запасы нефти и угля»[27].

Доклады Судзуки и Окады вызвали беспокойство в кругах монополий, связанных с военно-морским министерством, а следовательно, и с планом стратегии «южного направления». Адмиралы Симода и Нагано на заседании высшего военного совета в начале ноября 1941 г. выступили с критикой плана военного министерства, считая, что источники производства синтетического горючего и смазочных масел в Маньчжурии не столь велики, затраты на геологическую разведку или даже частичную разработку нефтяных запасов Северного Китая не решат проблемы «большой стратегии», тем более что требования японских генералов из Северного Китая могут повлиять на ослабление сил Японии в Центральном и Южном Китае, которые призваны обеспечить сохранение уже достигнутых успехов в Юго-Восточной Азии. Кроме того, доказывали представители военно-морского министерства, активные мероприятия Японии в деле экономической эксплуатации ресурсов Северного Китая могут усложнить условия переговоров с китайским правительством в Чунцине о мире.

Премьер Тодзио склонялся к поддержке точки зрения представителей военно-морских сил. Он пришел к выводу, что Япония располагает запасом нефти и нефтепродуктов, которого может хватить на два года войны. К этому времени в руках японского командования будет находиться нефть Голландской Ост-Индии. Если японское командование в Юго-Восточной Азии сумеет в ходе боев сохранить ныне действующие нефтяные поля, считал он, то «японское оборудование, которое будет доставлено в этот район, обеспечит быстрое развитие нефтедобычи и тогда проблема нефти будет разрешена»[28]. Тодзио на заседании заявил, что осуществление плана использования нефти Голландской Ост-Индии, а также захват запасов нефти и нефтепродуктов, сделанных противниками Японии в Юго-Восточной Азии, создадут обстановку, при которой «не страшны контратаки противника»[29]. Симода и Нагано со своей стороны подчеркивали «ответственность командования сухопутными силами империи за китайские коммуникации, по которым должны быть доставлены в Голландскую Ост-Индию японское оборудование и специалисты, ибо морские и океанские коммуникации будут напряжены до предела в связи с широкими военными операциями в Тихом океане»[30]. Такое требование «морских начальников» не могло не вызвать неудовольствия у командования сухопутными силами империи в Китае, так как им отводилась лишь роль тылового обеспечения боевых действий на море, где решающую роль будут играть флот и морская пехота.

Положение Тодзио в это время было чрезвычайно сложным. Занимая кроме поста премьер-министра еще и посты военного министра и министра внутренних дел, он должен был играть роль арбитра между монополиями, которые были заинтересованы в осуществлении программы военного министерства, т. е. программы немедленного участия в войне против СССР совместно с Германией и Италией, и теми монополиями, которые поддерживали «стратегию южного направления» в качестве подготовительного этапа к войне за полное уничтоже-

[26] Архив МО СССР, ф. 2, оп. 6897/3, д. 8, л. 163.

[27] Там же, л. 165.

[28] Там же, л. 167.

[29] Там же, л. 172.

[30] Там же, л. 174.

ние «коммунистической опасности» в Азии и во всем мире. Единственная проблема, которая не встречала возражений, была проблема Китая. Все сходились на том, что «любой вариант стратегии» требует незамедлительного завершения в пользу Японии «китайского инцидента». Речь шла лишь «о деталях» мирных предложений Японии. Такими «деталями» были: будущее Маньчжурии и Внутренней Монголии, будущее марионеточного «правительства» Ван Цзинвэя в Нанкине, формы дальнейшего экономического и политического «сотрудничества» между Японией и Китаем, роль Китая как в войне против США и Англии на Тихом океане, так и в войне против СССР, которая начнется после решения стратегических задач в Юго-Восточной Азии.

Что касается проблемы Маньчжурии и Внутренней Монголии, то японское правительство не сомневалось в уступчивости Чан Кайши, который положительно относился к пребыванию в этих районах японских войск в качестве «антикоммунистического барьера». Эти территории, превращенные Японией в военный плацдарм, могли служить как трамплином для броска против Советского Союза и МНР, так и базой для совместных операций гоминьдановцев и японских войск против партизанских районов в Северном и Центральном Китае, находившихся под руководством коммунистов.

Марионеточное «правительство» в Нанкине с самого начала было призвано служить в руках японских дипломатов пугалом для Чан Кайши и его окружения, предупреждением о том, что в случае продолжения сопротивления Японии они могут быть вовсе выброшены из «коляски китайской истории», потерять всякую возможность играть руководящую роль в политике Китая. Торжественно признав «правительство» в Нанкине, японское правительство окружило его «особой заботой», следило за каждым его шагом с тем, чтобы оно не вышло, даже в мелочах, из повиновения[31].

В то же время японские государственные деятели не особенно церемонились с Ван Цзинвэем и его «правительством». В случае если бы Чан Кайши согласился открыто пойти на мирные переговоры и поставил бы в качестве одного из условий роспуск нанкинского «правительства» и возвращение общенациональных правительственных функций Чан Кайши, японская сторона охотно согласилась бы на это. Вместе с тем в кругах японского правительства была уверенность, что между Чан Кайши и Ван Цзинвэем нет серьезных разногласий по вопросу о борьбе против китайских коммунистов, по вопросам антисоветской политики и стратегии. На этом основании вынашивалась идея «примирения», «слияния» правительств, объединения партии (гоминьдана), создание антикоммунистического, антисоветского блока, который мог бы быть использован Японией в подготовке и осуществлении планов войны против Советского Союза.

Что же касается форм будущего экономического и политического сотрудничества, то в области экономического сотрудничества японские государственные деятели стремились показать, что они не отвергают принципа «открытых дверей», но добиваются, чтобы для них китайские двери были открыты настежь, а для других капиталистических стран – открывались настолько, насколько это выгодно Японии. В частности, упомянутый выше президент отдела экономического планирования при кабинете министров генерал Судзуки считал, что «пра-

[31] Ван Цзинвэй, например, был известен как ярый приверженец западной демократии. Американская печать не раз пользовалась этой его слабостью, чтобы доказать ему, что именно на пути американской демократии он может достигнуть больших успехов и стать признанным вождем китайского народа. Многим американским государственным деятелям, в том числе и президенту Рузвельту, был не по нраву честолюбивый и капризный генералиссимус Чан Кайши, хотя он был тесно связан не только политически, но также семейными и деловыми узами с американцами. Кроме того, в связи с военными неудачами Чан Кайши пользовался все меньшей популярностью среди многомиллионного крестьянского населения. Хотя Ван Цзинвэй, открыто продавшийся японским захватчикам, и вызывал отвращение и презрение китайской интеллигенции и национальной буржуазии, его либеральные декларации и заявления, его прошлое активного гоминьдановского деятеля все же привлекали внимание измученного войной крестьянства. В связи с этим американские государственные деятели не отказывались от попыток частным путем повлиять на Ван Цзинвэя и использовать его в своих интересах.

вительство будущего дружественного Китая должно признать достигнутый уровень сотрудничества между японскими и китайскими фирмами и экономическими организациями правительственного и полуправительственного характера. Оно должно предоставить японским компаниям преимущественное право участия в программе восстановления экономики, и, наконец, оно должно стать равноправным членом блока Япония – Маньчжурия – Китай, будущее которого в расширении сферы процветания в Азии»[32]. Другими словами, от Китая требовали признания результатов экономической экспансии японских монополий, предоставления японским монополиям преимуществ при восстановлении того, что разрушила армия. Учитывая огромные разрушения и другие экономические потери Китая в ходе войны, размеры японских капиталовложений и соответственно прибылей на операциях по восстановлению разрушенной китайской экономики должны были быть огромными. Наконец, в качестве большой перспективы имелось в виду использование Китая в роли экономического союзника в «совместной сфере сопроцветания», т. е. превращение Китая в младшего партнера при завоевании Японией господства в Юго-Восточной Азии. Совершенно очевидно, что провести такую программу было чрезвычайно трудно, ибо она означала позорную капитуляцию перед агрессором, не говоря уже о том, что она затрагивала коренные интересы США и Англии в Китае.

Что касается будущих политических отношений между Японией и Китаем, то, естественно, главным условием «сотрудничества» является принятие Чан Кайши антикоммунистической, антисоветской программы. Китай мог бы, по мнению японских государственных деятелей, в зависимости от политической ситуации внутри страны и на международной арене выполнять в этой программе «активную или же пассивную роль». Активная роль Китая очень желательна, и в этом случае он должен будет стать «равноправным» членом антикоммунистического пакта и взять на себя обязательства, вытекающие из этого. Пассивная роль Китая в осуществлении антикоммунистической программы вовсе не предполагает пассивную политику в отношении своей коммунистической партии. Япония будет всемерно содействовать гоминьдановскому Китаю в деле ликвидации коммунистической угрозы внутри страны. Политика в отношении Советского Союза предполагает по крайней мере отказ Чан Кайши от финансовой и военной помощи Советского Союза, расторжение всех договоров и соглашений такого характера.

Такая программа сотрудничества в политическом отношении, считали японские руководители, давала основание рассчитывать на благосклонное отношение к ней США и Англии, поскольку они также стремились к антикоммунистической стратегии. Японские государственные деятели даже высказывали такое мнение: поскольку великие державы будут продолжать оказывать экономическую и военную помощь Китаю для борьбы против коммунистов, постольку их желание контролировать, как используются предоставленные средства для антикоммунистической борьбы, следует пригнать закономерным. Присутствие в Китае представителей этих держав со столь ограниченными целями можно считать допустимым[33].

В этом духе японцы и вели переговоры на встречах правительственных уполномоченных Японии и США в Вашингтоне летом 1941 г. по китайскому вопросу[34].

Правительство США шаг за шагом уступало требованиям Японии. По мнению государственного секретаря США Хэлла, США «должны были считаться с тем, что Япония в течение четырех лет ведет вооруженную борьбу и понесла значительные потери на фронтах Китая», и в пределах допустимого учесть особые интересы Японии в Китае. Но когда Япония

---

[32] Такэо Фудзита, Нампо кэйдзай но кэнсэцу (Строительство экономики для обеспечения южного направления), с. 52. См. также: «Нанъё дзиссэй» («Положение в Южных морях»), Токио, 1941, с. 11.

[33] «Якусин ниппон но сэйсаку то рэнгококу но дзюацу» («Смелая политика Японии и противодействие держав»), Токио, 1941, с. 102.

[34] Подробно о японо-американских переговорах в Вашингтоне см.: Б. Родов, Роль США и Японии в подготовке и развязывании войны на Тихом океане 1938–1941 гг., М., 1951, с. 80—165.

потребовала от США безоговорочного признания особых прав и интересов в бассейне Янцзы и признания нанкинского «правительства» в качестве единственного выразителя интересов «нового Китая», а следовательно, прекращения всех видов помощи Чан Кайши, тогда правительство США изменило свое отношение к японским требованиям, считая их неосуществимыми. Кроме того, вероломное нападение гитлеровской Германии на Советский Союз в корне изменило обстановку в мире, и в частности на Дальнем Востоке. Окончательная победа сторонников «северной» или «южной» стратегии в японских правительственных и военных кругах, так же как и определение дальнейшей линии действия в отношении китайского фронта, в значительной степени зависели от развития событий на советско-германском фронте.

В течение июля – августа 1941 г. японские государственные и военные деятели внимательно следили за положением в Советском Союзе, особенно тщательно изучалась обстановка на Дальнем Востоке, в Сибири и на Урале, как бы прощупывался пульс огромного тыла Советской страны в связи с военными неудачами начального периода войны на фронте. Ежедневно в одни и те же утренние часы в резиденции премьера Коноэ обсуждались представленные разведкой сводки положения на советско-германском фронте и в тылу. Эти сводки в копии поступали на радиосвязь германского чрезвычайного посла и тут же передавались в ставку Гитлера. Сводки были неутешительны для гитлеровской ставки, несмотря на то что на фронте немцы имели крупные успехи. Положение глубокого тыла Советского Союза (Урал, Сибирь и Дальний Восток) не оставляло сомнения в возрастающей силе сопротивления, в несостоятельности расчетов гитлеровского генерального штаба покончить с Советским Союзом в течение двух месяцев.

В начале сентября 1941 г. в руководящих военных и государственных кругах Японии появилась противоположная ранее бытовавшей оценка возможного развития событий на советско-германском фронте. Эта группа военных и государственных деятелей высказывала мнение, что война уже имеет тенденцию стать затяжной. Театр военных действий в России, говорили они, огромен и его нельзя сравнивать с Фландрией. Равнинный характер театра войны в России хотя и дает возможность быстрого продвижения для Германии, но, с другой стороны, он способствует правильному отступлению, на что и рассчитывает СССР. Ликвидировать советские войска в этом случае будет не так-то легко. Партизанская война также значительно усиливает обороноспособность СССР. Далее делалось следующее заключение: «Если война не окончится быстро, военные и экономические ресурсы Германии окажутся под угрозой быстрого истощения. Кроме того, затруднения с продовольствием на оккупированных территориях и в самой Германии неблагоприятно отразятся на ее политическом положении» [35].

В этих кругах чаще стали вспоминать о советско-японском пакте о нейтралитете. Вместе с тем они считали, что Япония должна выполнить обещание, данное министром иностранных дел Мацуокой Риббентропу в Берлине в апреле 1941 г., что «Япония будет сковывать мощь США и не позволит им наращивать свои силы в помощь союзникам в Европе». Основной упор правительство Японии стало делать на желательно более быстрое разрешение «китайского инцидента», сваливая всю вину за его затяжку на США. Характерным в этом отношении было заявление Мацуоки 26 июля 1941 г. корреспондентам японских газет «Токио майнити» и «Иомиури». Он говорил: «С целью защиты своих интересов на Азиатском континенте США уже с самого начала китайского инцидента заняли враждебную позицию в отношении Японии… США стали оказывать всяческую помощь Чан Кайши, в то время как в отношении Японии придерживались политики экономического давления. Япония же никогда и не думала об ущемлении интересов иностранных держав в этом районе, поскольку они не мешали освободительному движению восточноазиатских народов. О принципе неприкосновенности территории Китайской республики и говорить не приходится – Япония уважала, уважает и будет уважать

[35] «Тохо хёрон», IX, 1942, с. 11.

этот принцип»[36]. Это было очень важное заявление, если учесть, что в это время китайский вопрос был одним из главных вопросов на переговорах в Вашингтоне.

Но как же с союзническими обязательствами в отношении фашистской Германии? На это министр дал весьма откровенный ответ. Для превращения германо-советской войны в затяжную Советскому Союзу потребуется помощь США. Единственным портом, через который эта помощь может беспрепятственно осуществляться, является Владивосток. В случае давления США на Японию эта линия снабжения будет закрыта. Враждебная позиция США заставит Японию в союзе с Германией выступить против СССР, что, разумеется, не будет способствовать превращению войны в затяжную. Далее, развивая эту мысль, министр говорил, что победа Германии над СССР смягчит японо-американские отношения, так как в этом случае США придется перебросить часть тихоокеанского флота в Атлантический океан. Таким образом, будущие отношения между Японией и США будут всецело зависеть от хода германо-советской войны[37].

В Вашингтоне расценили эти заявления как шантаж, который имеет в виду запугать американцев и отвлечь их от решения вопроса об участии в европейской войне на стороне антигитлеровской коалиции. Вместе с тем правящие круги США не могли пойти на дальнейшие уступки Японии в Китае и в Юго-Восточной Азии.

США встали на путь более резкого отпора притязаниям Японии, особенно в отношении Китая. В беседах с послом Японии в Вашингтоне Вакасуги заместитель государственного секретаря Сэмнер Уэллес подчеркивал, что период уступок Японии со стороны США прошел[38].

Американские руководители заявили также, что, «учитывая ближайшие планы США в отношении Советского Союза, они не могут согласиться на полное и бесконтрольное господство Японии в Северном Китае»[39].

В этих условиях правящие круги Японии окончательно отдали предпочтение «южному направлению». После бурного заседания Высшего совета по руководству войной 1–2 ноября 1941 г. японские представители в Вашингтоне получили указание «затянуть переговоры», пока японский военно-морской флот, предназначенный для внезапного нападения на Перл-Харбор, не сосредоточится, пока авиация для бомбардировки флота и военных объектов на Гавайских островах не займет исходные позиции.

Оперативная обстановка перед началом войны на Тихом океане была крайне напряженной для Японии. К концу 1941 г. ее сухопутные силы были растянуты на огромном фронте, от Муданьцзяна и Хайлара на севере Маньчжурии до Хайнаня и границ Китая с Французским Индокитаем. При этом в Маньчжурии в силу действовавшего плана «готовности к войне против СССР» находилась 700-тысячная хорошо обученная и оснащенная Квантунская армия. Серьезным облегчением для Японии могло бы стать заключение мира с Чан Кайши. Это позволило бы превратить Китай из действующего фронта в крупный и выгодный оперативный тыл для решения одновременно двух задач: сковывания Советского Союза на Дальнем Востоке (а в случае нужды и развертывания двух группировок – Квантунской армии и экспедиционной армии в Северном Китае – для военных операций против Советского Союза) и использования экспедиционных армий Центрального и Южного Китая, оперативного резерва, переброшенного из собственно Японии, и всех сил военно-морского флота для развертывания боевых действий против США и Англии в Тихом океане. Кроме того, в случае заключения мира с Чан Кайши японское командование намеревалось использовать гоминьдановские армии в Северном и Центральном Китае для борьбы против 8-й и Новой 4-й армий и партизан.

---

[36] «Токио майнити», 27.VII.1941.

[37] «Киндай кокубо ери митару сорэмпо» («Советский Союз с точки зрения современных проблем обороны»), Токио, 1941, с. 39.

[38] F. C. Jones, Japan's New Order in East Asia. 1937–1945, с. 295.

[39] Там же.

Выгодный для Японии мир в Китае облегчил бы тем самым и выполнение обязательств Японии в отношении своих союзников – Германии и Италии.

Торопила Японию и военная обстановка в Европе. За летние месяцы 1941 г. английская армия была вынуждена эвакуироваться из Греции, пал остров Крит – эта мощная военная база Англии, флот нес большие потери в Средиземном море. В Японии считали, что, если успехи Германии и Италии будут развиваться такими темпами, ничто не сможет задержать их армии и помешать захвату всего Среднего Востока. К тому же Красная Армия продолжала отходить на восток, и гитлеровские генералы называли начало ноября предельным сроком падения Москвы. В Токио все больше спешили высвободить свои силы из Китая.

Чан Кайши, со своей стороны, побуждаемый ненавистью к коммунизму, а также хорошо информированный о тяжелом положении Советского Союза в связи с военными успехами гитлеровцев, понимая также неизбежность отвлечения значительных сил и средств США для помощи их союзнику в Европе – Англии, был склонен «повернуться лицом к Японии и стать союзником фашистских агрессоров»[40].

Однако внутриполитическая обстановка в Китае, резкое осуждение народными массами, особенно коммунистами и прогрессивной интеллигенцией, капитулянтской политики гоминьдана в отношении японского агрессора, ущемленное честолюбие Чан Кайши в связи с тем, что Япония проводила политику расчленения Китая, и особенно тот факт, что в Нанкине создано «правительство» его противника – Ван Цзинвэя, неуверенность в том, что японское правительство после заключения мира предоставит Чан Кайши право и возможность быть диктатором и неограниченным властелином Китая, а также значительные традиционные связи руководителей гоминьдана с американским бизнесом – все это не позволило Чан Кайши перейти открыто на сторону Японии. Это означало, что в попытках развязать себе руки в Китае Япония будет встречаться с большими трудностями.

В создавшихся условиях США и Англия все больше отдавали себе отчет в том громадном значении, которое приобретает китайский фронт в связи с очевидной подготовкой Японии к войне в Тихом океане. В Вашингтоне и Лондоне понимали, что при решающем значении советско-германского фронта, оказывающего самое непосредственное влияние на поведение правительства и военщины Японии, выход из войны Китая может в корне изменить стратегию Японии в отношении США и Англии в Азии и Тихом океане. Американское командование получило согласие Чан Кайши на сооружение 14 аэродромов и посадочных площадок на территории юго-западной части страны, чтобы прикрыть коммуникации, связывавшие Бирму с этим районом Китая, а также важнейшие города и центры Юго-Западного Китая[41]. Чунцинское правительство взяло на себя строительство аэродромов, посадочных площадок, заправочных пунктов и хранилищ для американской авиации, а также строительство дорожной сети в районе базирования американской авиации[42]. США дополнительно перебросили в Китай 45 бомбардировщиков и 50 истребителей[43]. Для их обслуживания в течение сентября – ноября 1941 г. прибыли 150 летчиков и техников. Чан Кайши должен был пользоваться услугами американских военных советников и участвовать во всех военных мероприятиях США и Англии, которые возникали в связи с угрозой войны в Тихом океане.

Однако и после начала войны на Тихом океане объединенное американо-англо-китайское командование не разработало в деталях условия использования китайского фронта, огромной китайской территории и богатых людских ресурсов для ведения войны против Японии.

---

[40] «Аямарэру Сина но тайнити сэйсаку то рэнгококу но тайси жацудо», с. 83.

[41] Архив МО СССР, ф. 2, оп. 2221, д. 128, л. 302.

[42] Там же, л. 307.

[43] Там же, л. 302.

Шаги, предпринятые Вашингтоном, в определенной степени затруднили для Чан Кайши путь к капитуляции. Однако Япония не сняла с повестки дня вопрос «о мирном наступлении» в Китае. Все еще оставалась надежда на то, что можно будет использовать антикоммунистический курс в политике Чан Кайши для привлечения его на сторону Японии.

Ведя поиски мирных «подступов» к Чунцину, Япония не отказывалась и от методов военного давления. Одним из важных элементов этого давления были действия Японии на Индокитайском полуострове, имевшие целью блокировать Китай с юга.

Французский Индокитай, Таиланд и Голландская Ост-Индия в японских планах решения «китайского инцидента»

Правительство Японии и японское верховное командование рассматривали установление своего контроля над Индокитаем, Таиландом и районом Южных морей как решающее условие осуществления своих стратегических планов. В первую очередь такой контроль должен был привести к изоляции национального Китая, китайского фронта от США и Англии, что, по расчетам Японии, неизбежно повлекло бы за собой капитуляцию Китая.

Еще до поражения Франции во второй мировой войне и оккупации ее немецко-фашистскими войсками правительство Японии предприняло шаги в этом направлении. Оно сделало представление французскому правительству, в котором предупреждало о якобы возможном «в связи с создавшейся обстановкой» вторжении китайских войск на территории Французского Индокитая. В связи с этой «угрозой» японское правительство потребовало «закрыть все наземные коммуникации и порты», в частности восточную железнодорожную магистраль от порта Хайфон и до южной границы Китая, а также железную дорогу Юньнань – Куньмин, которая эксплуатировалась французами. Однако французское правительство категорически отвергло требование Японии, рассматривая его как вмешательство во внутренние дела Франции. Более того, Париж заявил протест в связи с бомбардировкой японской авиацией Юньнань-Куньминской железной дороги[44]

[44] «Нанкай дзиссэй» («Положение в Южных морях»). Кантон, 1941, с. 27.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.